

УТВЕРЖДЕНИЕ РЕАЛИЗМА

ТЕАТР

— Театр переживает ренессанс реализма, — эта фраза в той конкретной обстановке прозвучала неожиданно, тем и запомнилась.

...Мы, несколько человек, шли по ночному Белграду после спектакля гастрольного «авангардного» театра. Историю любви играли молодые люди в звериных шкурах, по ходу дела, впрочем, сбрасывая и их. Вообще-то зрелище не из приятных — это уж точно. В конце же концов шокировала не просто одежда или отсутствие ее. До оскорбительного уровня животного здесь человека низводило все: примитивный текст, даже не текст, а какие-то несвязные выкрики; характер произносимых на сцене телодвижений; неопрятные тришки вместо декораций; желание (или неумение) исполнителей проникать в психологию персонажей...

Каждый из нас по-своему возмущался, горячился.

— Я думаю, — вдруг без видимой связи сказал Мирослав Белович, — что театр переживает сейчас эпоху ренессанса реализма.

Сказал — и вывел «зверное» зрелище за скобки искусства. Его, коммуниста с тридцатилетним стажем, воспитанника Ленинградского театрального института, режиссера, поставившего на югославской сцене многие ключевые пьесы русской и советской классики, интересовала тенденция развития современного театра, а не одиодневки капризной моды.

Югославия — страна фестивалей: международных, общереспубликанских, театральных, фольклорных, кинемато-

графических, музыкальных; проводятся здесь ежегодные смотры современной драматургии, конкурсы радиопостановок, спектаклей одного актера и т. д. На фестивалях международных о советенно югославском театре сведения получаются отрывочные. В этом смысле интересной оказалась поездка в Дубровник.

...Под самым небом, на крепостном валу громко, на весь белый свет плакал юноша, почти мальчик. Мир рухнул в одном человеческом сердце, но миру до этого не было никакого дела. Над крепостью, как всегда, весело пскрились южные звезды, а внизу, в парадном зале, счастливо улыбались друг другу в балетном танце король и королева, а нового повелителя Дании славили пушечные залпы да механически восторженные возгласы «Да здравствует король!» Только мальчик, бывший в отчаянии и одиночестве, того не знал, что внизу на длинных дощатых скамьях сидят люди семидесятих годов двадцатого века и вместе с ним переживают, как сегодняшней, «минут молчания, страсти и опыта, ...и всего, что познал и постиг». В Дубровнике, в крепости Ловренац, шла трагедия Шекспира «Гамлет» в исполнении фестивального драматического ансамбля. Режиссер Дино Радович и артист Раде Шербеджия, переплавив в себе опыт предшественников, сумели вновь открыть в Гамлете самые живые черты.

Дубровнический международный фестиваль музыки, театра и фольклора в 1974 году отметил свое 25-летие. Главная примета этого ежегодно проводимого праздни-

ка — самый высокий критерий искусства. Хотите, чтобы наше выступление назвали сенсацией? Покажите мировой класс мастерства. Такой сенсацией минувшим летом стала здесь, к примеру, пермская балерина Надя Павлова.

Тенденция развития искусства продолжается через его вершины. Мы снова говорим об этом с Мирославом Беловичем уже в Москве.

...Что нам за дело до того, каким путем приобрел и потерял свои капиталы банкир Глембай и кем была прежде его жена, красавица баронесса Шарлотта? Однако чувства людей и на подмостках и в зрительном зале, кажется, одинаково напряжены. На медленно прищипываемся сценическом круге завершается кровавая драма буржуазной семьи. В Москве, в Театре имени Евг. Вахтангова, идет премьера «Господа Глембай» в постановке Мирослава Беловича.

Мирослав Крлежа, перу которого принадлежит пьеса, ныне живущий классик югославской литературы. Поэт, прозаик, драматург, он постиг молодую Советскую республику и стал страстным пропагандистом ленинских идей. Открытый антибуржуазный пафос объединяет все написанные им пьесы, и, может быть, наиболее беснованно он прозвучал в пьесе «Господа Глембай», объединившей многие сцены мара. Эту страсть художника-гуманиста несут сегодня московские артисты.

Действие происходит в 1913 году — накануне первой мировой войны, накануне крушения австро-венгерской им-

перии, великих революционных событий. Это трагическое для участников драмы «накапное», kloкочущее за каждой строкой и судьбой в пьесе, Белович доводит до предела. Кажется, будто воздух на сцене заряжен высоковольтным током и все здесь готово вулканически взорваться. Столь темпераментная режиссура требует самой высокой актерской культуры — иначе «кровавая драма» может сорваться на истерическую ноту, и крупный идейный замысел неизбежно потеряет свою глубину и масштабность. Такую высокую культуру Белович нашел в ансамбле исполнителей нового спектакля, отмеченном той мерой вкуса, которая, по Пупкину, есть «чувство соразмерности и сбалансированности».

Работу художника Иосифа Сумбаташвили, артистов Юрия Яковлева, Людмилы Макасовой, Василия Ланового, Григория Абрикосова, Евгения Карельских отличают поэтическое вдохновение и точный художественный расчет, безукоризненный профессионализм и человеческое неравнодушие. Понятие — коллектив единомышленников — здесь воплотило к месту. Югославских и советских художников сплотило сражение против лжи, корыстолюбия, жестокости, карьеризма, фарисейства, всего того, что будет уроком для человека до тех пор, пока в мире существует социальная, классовая разобщенность людей. Завершилось взаимоотношение Глембаев. Но сколько еще на земле дидактист, чья привилегия — деньги, чье оружие — лицемерие, чье процветание — поправные права миллионов. Все они — на вулкане, которому сужде-

но взорваться, — эта страстная мысль выводит спектакль «Господа Глембай» за пределы семейной драмы в раунг произведений искусства, поднимающихся до социальных и философских обобщений.

В дни вахтанговской премьеры гости из Югославии показали в Московском Доме актера еще один интересный спектакль. Актриса Югославского драматического театра Майя Дмитриевич сыграла три вариации монодрамы Жака Кокто «Голос человеческий», содержание которой — последний телефонный разговор между женщиной и представляющим ее любимым человеком. Мирослав Белович ставит сначала спектакль по классическим законам Станиславского, потом, не меняя ни одной буквы, решает его в комедийном ключе: «подставляются» другой характер — и все события выглядят в ином свете. Третий вариант: как сыграл бы данную пьесу «авангардный», или, как его еще называют, «физический» театр. С потолка свешиваются кашаты, актриса в черном трико кутаркается, берет с пола то одну, то другую маску. Слова выкрикиваются, но видно, что можно обойтись и без них — они несут «служебную» функцию. И все. И нет драмы, и страсти заменены инстинктами... Но вдруг актриса швыряет маску, подходит к рампе и тихо произносит последние слова пьесы: «Я тебя люблю». И все. И «моное» представление потеряло смысл.

Самым современным на сцене остается, как и прежде, жизнь человеческого духа...

Г. КОЖУХОВА.

Дубровник — Москва.

21 ЯНВ 1975

ПРАВДА
г. Москва